

Когда-нибудь

Отцвел июнь,
Прошла уборка.
Доедем до Зеленой Горки,
На время — плюнь!
Живое — все залезло в норы.
И средь жары — в фонтанах город,
В тумане струй.

Домчим до моря,
Только — в море!
Еще не высохло. Мы можем!
Вода смывает наше горе.
И — на песок!
О, Боже, Боже!

Вода везде,
ныряй же в зелень.
Волна идет в родные земли!
Устал? Устал?
Ныряй, ныряй же!
Куда, и на какой нам берег?
Здесь дно
В камнях!
Ну, как прикажешь...
Нырну, согласишься?

Уборка! Мы сигаем с пирса,
Все попрано. — Сюда, в прохладу!
Как комбайнерам бы —
напиться...
Из родника, в посадке,
В хатах....

Стоят, стоят наши комбайны,
И никому не нужно тайны
Житья-бытья,
прошла уборка!
Летят оплавленные брызги,
Летят тела в неожиданном визге...
Не умирай!
Пока мне — горько...

Как стук сердец,
Моторы тают,
И к морю тянутся без края
лучи — жнивья? — никто не знает.
И все, как прежде!
Да, как прежде.
Все без прикрас — и без надежды.
Соленый ветер рвет одежду,
И подсыхает...

* * *

Разогрелась плесень плит.
Тишина перекрывает,
Заглушает и срывает
Ветра всхлип.
Плети водорослей, вонь.
Отживающие створки,
Послесловие уборки,
Замирающий огонь.
Как пройти по океану,
Огненному дню, обману,
Бесконечному дурману
Волн? — Уже бегу.
Надо же. Бегу по ребрам
Чуда... Кто я? Слишком добрый,
Ты... Я не смогу.

* * *

Опять на горизонте синь,
И корабли на рейде
Скучают с грузом иваси
И техникой корейской...
И припортовый офицер
Ждет в раскладном шезлонге
Звонка из высочайших сфер —
И множит цифр колонки.

Все так знакомо: пыль, дворы.
На город — взгляд, но мельком,
Он увлечен, хоть смысл игры
Запрятан в складке века.

Почти что найден верный ход...
Но лает громко Шарик
на голубиный хоровод.
И это все — мешает.

* * *

Пошла лущиться кожа платанов.
И день сфотографирован в деталях,
Кривое солнце в ветках заплутало,
И жарится распластанная тень.
Ты появляешься, и как всегда, неожиданно...
Из горла звук нейдет, но это мы читали,
И хочется стоять, как будто бы при дамах...
Но — что стоять, как пень...
Ты много говоришь... Еще быстрее — уходишь.
Ты занят делом всей-всей жизни, навсегда.
Распластанную тень не сразу и находишь.
Постой, постой. Постой!
Не помнишь — строк?.. — О да! —
Конечно же, не помнишь.
Я тру еще глаза, такая ерунда.

* * *

Свет становится глуше,
Звук отражается лучше,
Какому же черту нужен
Отчетливый сей бамбук?
Но даже его переливы
Отслеживать так слезливо
Мне помогают ветер
И ночь, и сердечный стук.

* * *

Под небом открытым
Что скажешь? Молчи.
На голову
сыплются звезды.
Большая Медведица
Льется в ночи.
Льет слезы:

"Решается плыть
неизвестный пловец
По Млечной Реке.
Я, предвидя,
Оплакать его
безусловный конец,
Склонилась навеки,
здесь сидя".

